

Список цитированных источников

1. Сухаренко, А. Н. Влияние преступности и коррупции на инвестиционную привлекательность субъектов Дальневосточного федерального округа / А. Н. Сухаренко // Региональные проблемы. – 2015. – № 1. – С. 52–58.

2. Стратегия развития публично-правовой компании «Фонд развития территорий» до 2030 года [Электронный ресурс] / Фонд развития территорий. – Режим доступа: <https://фрт.рф>. – Дата доступа: 13.07.2024.

СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ТОЛКОВАНИЕ НОРМ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА И КОДЕКСА ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Барков Александр Владимирович

*профессор кафедры судебной деятельности учреждения образования «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета»,
кандидат юридических наук, профессор
ukrb99@yandex.by*

В процессе применения норм Особенной части УК может возникнуть необходимость сопоставления уголовно-правового запрета с предписаниями норм Особенной части КоАП. Это позволяет наиболее полно уяснить смысл и пределы применения как уголовно-правовых, так и административно-деликтных норм.

Прежде всего, соприкосновение названных норм проявляется в случаях использования законодателем механизма административной преюдиции, закрепленного в ст. 32 УК: «В случаях, предусмотренных Особенной частью настоящего Кодекса, уголовная ответственность за преступление, не представляющее большой общественной опасности, наступает, если деяние совершено в течение года после наложения административного или дисциплинарного взыскания за такое же нарушение».

При разработке проекта ныне действующего УК предполагалось, что этот прием позволит сужать сферу применения уголовного запрета, постепенно «опуская» деяния на уровень административного правонарушения. Так было, например, с нормой об уголовной ответственности за спекуляцию (ст. 256, исключенная из УК Законом Республики Беларусь от 22 июля 2003 г. № 227-3). К сожалению, в последние годы наметилась противоположная тенденция, когда посредством административной преюдиции «поднимают» на уровень преступления типичные административные правонарушения. Примером тому ст. 317-2 УК «Управление транспортным средством лицом, не имеющим права управления».

Предусматривая взаимодействие норм УК и КоАП в рамках административной преюдиции, важно, чтобы объективные и субъективные признаки деяний совпадали. При несовпадении приоритет должен быть за уголовно-правовой нормой. Так, ч. 1 ст. 317-2 гласит: «Управление транспортным средством лицом, не имеющим права управления этим средством, если это деяние совершено неоднократно». В ч. 1 ст. 18.14 КоАП сказано: «Управление транспортным средством лицом, не имеющим права управления этим средством, а равно передача управления транспортным средством лицу, не имеющему права управления». Очевидно, что передача управления транспортным средством лицу, не имеющему права управления, даже многократная, не может лежать в основе уголовной ответственности.

Существенное значение имеет правильное сопоставление однородных норм УК и КоАП. Примером может быть ст. 11.1 КоАП «Мелкое хищение». Признаки форм хищения, перечисленных в этой статье, можно найти только в УК (ст. 205, 209, 210, 211, 212). В УК в соответствии с Законом Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-3 название ст. 212 и диспозиция ч. 1 изменены. Сказано: «Хищение имущества путем модификации компьютерной информации». В КоАП это проявление правонарушения изначально названо: хищение путем использования компьютерной техники.

Любопытно и то, что ст. 11.1 предусматривала эту форму хищения в качестве мелкого с момента введения КоАП в действие с 1 марта 2021 г., а в УК эта форма хищения как признак мелкого хищения была включена позднее Законом Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-3, и вступила в силу с 19 июня 2021 г. Три с половиной месяца трактовка мелкого хищения в ст. 11.1 КоАП (широкая) и в ч. 4 примечаний к главе 24 УК (узкая) различалась. По нашему глубокому убеждению, при такой коллизии предпочтение должно отдаваться более мягкому закону.

Наличие в КоАП составов правонарушений, «конкурирующих» с уголовно-правовым запретом, может влиять на толкование уголовно-правовых норм. Примером тому служит эволюция ст. 435 УК. В первоначальной редакции УК по ч. 1 этой статьи наказывалось «уклонение от призыва на военную службу, совершенное в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение». В КоАП норме УК корреспондировала ч. 3 ст. 25.1. «Неявка в военный комиссариат (обособленное подразделение военного комиссариата) или на мероприятия по призыву».

Административную ответственность влекла «Неявка без уважительных причин на мероприятия по призыву на воинскую службу по повестке или направлению военного комиссариата (обособленного подразделения военного комиссариата) (в том числе неявка гражданина, отказавшегося от получения таких повестки или направления) или в сроки, установлен-

ные законодательством, если данная неявка не воспрепятствовала принятию и (или) реализации решения призывной комиссии (военного комиссара) об исполнении гражданином воинской обязанности».

Между диспозицией ст. 435 УК и признаками ч. 3 ст. 25.1 КоАП существовала рассогласованность. В целях преодоления этой дисгармонии Законом Республики Беларусь от 19 июля 2005 г. № 40-З название ст. 435 и диспозиция ч. 1 были определены одинаково: «Уклонение от мероприятий призыва на воинскую службу». Законом Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 131-З в названии, абзаце первом ч. 1 и абзаце первом ч. 2 ст. 435 слово «призыва» заменено словами «по призыву».

На момент выполнения данного исследования признаки преступления, предусмотренного ст. 435 УК определены как «уклонение от мероприятий по призыву на воинскую службу». При буквальном толковании для констатации преступления достаточно с прямым умыслом не явиться на любое из мероприятий по призыву. Требование административной преюдиции отсутствует. Но такому простому решению препятствует редакция ст. 26.1 КоАП «Неявка на мероприятия по призыву»: «Неявка без уважительных причин на мероприятия по призыву на воинскую службу по повестке или направлению военного комиссариата (обособленного подразделения военного комиссариата), органа государственной безопасности (в том числе неявка гражданина, отказавшегося от получения таких повестки или направления) или в сроки, установленные законодательством, а в период мобилизации и (или) в военное время – в том числе при оповещении посредством СМС-сообщения, если такая неявка не воспрепятствовала принятию и (или) реализации решения призывной комиссии (военного комиссара), начальника органа государственной безопасности об исполнении гражданином воинской обязанности».

Из нормы КоАП следует, что не будет состава преступления, если «неявка не воспрепятствовала принятию и (или) реализации решения призывной комиссии (военного комиссара), начальника органа государственной безопасности об исполнении гражданином воинской обязанности».

Возникает вопрос: в какой мере это обстоятельство зависит от воли призывника. Если практически не зависит или имеет вероятный характер, то может ли оно быть критерием криминализации? Следует иметь в виду, что круг таких мероприятий широк и значимость их различна. Это: явка на медицинское освидетельствование, медицинское обследование, явка на заседание призывной комиссии, явка для отправки в воинские части для прохождения военной службы, это нахождение на призывном пункте, пункте сбора до отправки к месту военной службы. Очевидно, что уклонение от медицинского освидетельствования и уклонение от отправки в воинские части для прохождения военной службы имеют разную степень общественной опасности и различные цели.

Из этого следует важный вывод: административно-деликтное законодательство охраняет общественные отношения, обеспечивающие установленный порядок проведения мероприятий по призыву органами, осуществляющими воинский учет, а уголовный закон в ст. 435 охраняет общественные отношения, обеспечивающие порядок комплектования Вооруженных Сил, других войск и воинских формирований.

При таком выводе уклонение от мероприятий по призыву на воинскую службу в контексте ст. 435 УК следует понимать как способ воспрепятствования принятию и (или) реализации решения призывной комиссии об исполнении гражданином воинской обязанности. Следовательно, виновный преследует цель уклониться от мероприятия по призыву, имея общую цель уклониться от призыва.

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ САНКЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НОРМ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИКОВ С УЧЕТОМ ОПЫТА ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ЕАЭС

Бородулькина Екатерина Сергеевна

*ведущий научный сотрудник отдела исследований в области национальной безопасности, правоохранительной деятельности и международного права
Института правовых исследований Национального центра законодательства
и правовой информации Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент
Borodulkina@center.gov.by*

Для Республики Беларусь одним из приоритетных направлений международного сотрудничества является взаимодействие на многосторонней основе в рамках Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС). Наряду с экономическими и политическими выгодами, активные интеграционные процессы создают новые вызовы для национальной безопасности каждого из государств – членов ЕАЭС.

Сравнительно-правовой анализ различных аспектов уголовно-правового противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов (далее – наркотики) по законодательству государств – членов ЕАЭС в целом, и санкционного обеспечения составов, связанных с незаконным оборотом наркотиков в частности, создает предпосылки для обеспечения целей устойчивого развития межгосударственных институтов, равных условий для уголовной ответственности [1, с. 91], а также реализации таких важнейших ее принципов, как равенство, справедливость и гуманизм.